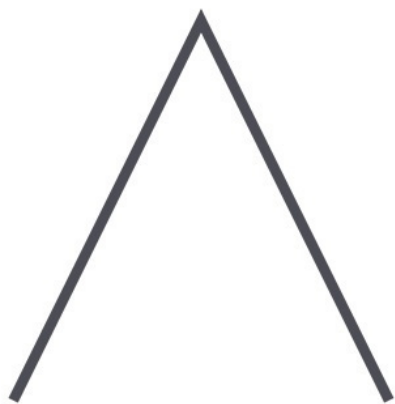
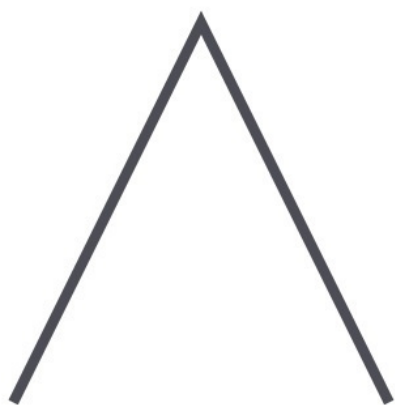

Мишель Фуко

История
сексуальности 1

Воля

к знанию

18+

Ad Marginem

Мишель Фуко

История сексуальности
1. Воля к знанию

«Ад Маргинем Пресс»

1976

УДК 1(159.947+165+316.367)

ББК 87.22+60.561.54

Фуко М.

История сексуальности 1. Воля к знанию / М. Фуко — «Ад
Маргинем Пресс», 1976

ISBN 978-5-908038-57-7

Идея проекта «Истории сексуальности» возникла у Мишеля Фуко (1926-1984) в начале 1970-х годов как продолжение исследований в области истории медицины, которой были посвящены его лекционные курсы тех лет в Коллеж де Франс, и как развитие археологии дискурсивных формаций в направлении описания диспозитивов знания-власти. Сразу задуманный как многотомный цикл, этот проект впоследствии претерпел коренные изменения: его фокус сместился с формирования современного понятия сексуальности на генеалогию субъективности, уходящую корнями в античную и христианскую мысль. Первый том «Истории сексуальности» — «Воля к знанию» (1976) — представляет собой методологическое введение в исходную проблематику цикла. Его риторический узел составляют две нити: критика «репрессивной гипотезы», понимающей сексуальность как объект подавления и умолчания, и противопоставление этой гипотезе единой линии формирования диспозитива сексуальности, нацеленного на взаимное приумножение знания и власти: от христианских исповедальных практик через медиализацию «отклонений» к психоанализу, современной «заботе о сексе» и «политике пола». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(159.947+165+316.367)

ББК 87.22+60.561.54

ISBN 978-5-908038-57-7

© Фуко М., 1976

© Ад Маргинем Пресс, 1976

Содержание

От переводчика	7
I. Мы, викторианцы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мишель Фуко
История сексуальности 1. Воля к знанию

MICHEL FOUCAULT
HISTOIRE DE LA SEXUALITÉ 1
LA VOLONTÉ DE SAVOIR

Переводчик *Алексей Шестаков*

Научный консультант *Виктор Каплун*

Дизайнер *Елизавета Жмурина, ABCdesign*

Ad **M** *arginem*

© Editions GALLIMARD, Paris, 2018
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

От переводчика

История «Истории сексуальности» Мишеля Фуко хорошо известна¹. Проект, над которым философ работал около десяти лет, вплоть до своей смерти в 1984 году, и плодом которого стали три его последние прижизненные книги, а также еще одна, опубликованная впоследствии, лишь в 2018 году, возник в середине 1970-х на стыке нескольких исследовательских полей. Укажем только некоторые из них, очерчивающие материал, подвергнутый Фуко анализу: история западной медицины Нового времени и, в частности, представления о безумии и душевной болезни; политическая история того же периода на Западе, прежде всего – история формирования принципов и практик работы государства с населением в целом и с гражданами в отдельности в ее экономическом, юридическом, педагогическом и других аспектах; история практик духовного руководства в западной церкви (в первую очередь католической, но не только) с акцентом на технике признания. Все эти поля были пропаханы Фуко достаточно глубоко, о чем свидетельствуют лекционные курсы, прочтенные им в 1970-х годах в Коллеж де Франс, посмертно опубликованные и в большинстве своем переведенные на русский язык². Те же курсы, наряду с книгами, статьями, интервью, свидетельствуют и о невероятной интеллектуальной активности философа в этот период, о постоянном смещении и ветвлении его научных интересов, что делает неудивительной и во многом объясняет причудливую траекторию развития проекта «Истории сексуальности» и не менее причудливую композицию, которую образовали в итоге составляющие ее четыре тома.

В самом последнем интервью, данном Фуко 29 мая 1984 года Жилю Барбетту и Андре Скал^а (и опубликованном в журнале *Les Nouvelles littéraires* под заголовком «Возвращение морали» через три дня после смерти философа), собеседники задали ему вопрос: «Ваши книги говорят не о том, что анонсируют их названия. Не ведете ли вы с читателем игру обмана ожиданий?» Ответ звучал так: «И правда похоже, что написанные мною работы не вполне соответствуют названиям, которые я им дал. Это слабость с моей стороны, но я не отказываюсь от единожды выбранного заголовка. В процессе написания книги я подвергаю ее переработке, обнаруживаю новые поля проблем, но название остается тем же. Есть и другая причина: я пытаюсь очертить в своих книгах круг проблем, не очерченный ранее. В подобных условиях неизбежно выходит так, что в конце книги выступают на поверхность такие проблемы, которые не могли быть учтены в ее заголовке. Вот две причины, по которым между названием и книгой возникает своего рода „игра“. Очевидно, я должен был бы либо признать, что мои книги совершенно не соответствуют своим заголовкам, которые, таким образом, нужно изменить, либо признать, что между заголовком и содержанием существует некое расхождение и что это расхождение нужно воспринимать как дистанцию, которую задал я сам, работая над книгой»³.

¹ Отметим лишь несколько источников на русском языке: *Фуко М. Воля к истине по ту сторону знания, власти и сексуальности* / пер. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузыря. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 371–377 (комментарий С. Табачниковой к ее переводу введения к «Использованию удовольствий»); *Погоняйло А. Г. Мишель Фуко. История субъективности* // М. Фуко. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году / пер. А. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. С. 648–649 и passim; *Гро Ф. От редактора* // М. Фуко. История сексуальности 4. Признания плоти / пер. С. Гашкова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025 (2-е изд.). С. 6–18.

² См., в хронологическом порядке курсов: *Фуко М. Лекции о воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970/71 учебном году / пер. А. Дьякова. СПб.: Наука, 2016; *Фуко М. Психиатрическая власть*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973/74 учебном году / пер. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2007; *Фуко М. Ненормальные*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974/75 учебном году / пер. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2005 (переизд.: М.: Ад Маргинем Пресс, 2025); *Фуко М. «Нужно защищать общество»*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/76 учебном году / пер. Е. Самарской. СПб.: Наука, 2005; *Фуко М. Безопасность, территория, население*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году / пер. Н. Сулова, В. Быстрова, А. Шестакова. СПб.: Наука, 2011.

³ *Foucault M. Le retour de la morale (entretien avec G. Barbedette et A. Scala, 29 mai 1984; Les Nouvelles littéraires. n° 2937.*

К «Истории сексуальности» сказанное Фуко относится еще больше, чем к любому другому из его сочинений. Заголовок, наводящий на мысль то ли об истории сексуальных практик, то ли – что всё-таки вероятнее при самом поверхностном представлении об авторе – об истории понятия или представления, которое, как сам автор прямо говорит и в первом томе своего труда, и особенно в предисловии ко второму, сравнительно молодо («Сам термин „сексуальность“ появился довольно поздно, в начале XIX века»⁴), практически сразу обнаруживает за собой несравнимо более обширную историческую, а затем и теоретическую проблематику. В историческом плане она вначале захватывает, помимо более или менее соответствующего ожиданиям анализа возникновения медицины сексуальности в XIX веке, обзор практик исповеди и духовного руководства в католицизме периода Контрреформации и позднее (с оглядкой к тому же и на их предшествующую историю), а также историческую критику юридической модели власти; затем же, во втором и последующих томах цикла, распространяется на теорию и практику управления собой в Древних Греции и Риме и, наконец, на формирование доктрины плоти и связанных с нею моральных установлений в христианстве первых веков нашей эры. В теоретическом плане исследование понятия сексуальности и, в связи с ним, ситуации возникновения и социоисторического значения психоанализа дополняется вначале разработкой концепции диспозитивов знания-власти в Европе Нового времени (эта концепция служит ключом к ницшеанскому названию первого тома – «Воля к знанию»), а затем – выходящим далеко за рамки сексуальности, хотя и заявленным исподволь в том же первом томе анализом формирования в античных «практиках себя» и христианской аскетике субъекта желания и в конечном счете западного субъекта как такового в его отношении к истине.

Этот предельно общий очерк позволяет судить о размахе последнего проекта Фуко и о его хитросплетенном устройстве, полном как резких поворотов, так и внутренних переключек. Хотя все тома «Истории сексуальности» выходили на русском языке по отдельности прежде⁵, теперь отечественный читатель может судить о ней целиком.

«Воля к знанию», опубликованная в 1976 году как введение в запланированный⁶ – но затем коренным образом реорганизованный – цикл исследований (не случайно английский перевод этой книги, вышедший уже в 1978 году и переиздающийся по сей день, первоначально был озаглавлен «The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction»), представляет проект «Истории сексуальности» в миниатюре, несмотря на все изменения, которые он претерпел в дальнейшем. С одной стороны, в ней эксплицированы исследовательские поля, отмеченные нами выше и скрестившиеся в фокусе сексуальности: история медицины, история католических практик исповеди, экономическая и политическая история Запада Нового времени, если брать самые основные. С другой стороны, она содержит в зародыше, а иногда и в достаточно четко сформулированном виде центральные проблемы последующих томов: конституирование субъекта желания и субъекта как такового и отношение субъекта к истине (в последнем пункте четвертый том, «Признания плоти», подхватит достаточно подробно развитую уже в первом тему признания).

28 juin – 5 juillet 1984. P. 36–41 // M. Foucault. Dits et écrits. 1954–1988. 4 vol. Vol. IV. 1980–1988. P. 704 (рус. пер.: Фуко М. Возвращение морали // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 ч. Ч. 3 / пер. Б. Скуратова; под общ. ред. В. Большакова. С. 281–282).

⁴ Фуко М. Использование удовольствий: История сексуальности. Т. 2 / пер. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004. С. 5 (переизд.: М. Ад Маргинем Пресс, 2026).

⁵ См.: Фуко М. Воля к знанию: История сексуальности. Т. 1 / пер. С. Табачниковой // М. Фуко. Воля к истине по ту сторону знания, власти и сексуальности. Указ. соч. С. 97–268; Фуко М. Использование удовольствий. Указ. соч.; Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе / пер. Н. Титовой и О. Хомы; общ. ред. А. Мокроусова. Киев: Дух и литера; М.: Грунт; Рефл-Бук, 1998.

⁶ План продолжения цикла был помещен на спинке обложки первого издания «Воли к знанию». Вот заглавия планировавшихся томов: 2) «Плоть и тело»; 3) «Крестовый поход детей»; 4) «Женщина, мать и истеричка»; 5) «Извращенцы»; 6) «Население и расы».

Этим во многом объясняются трудности, с которыми мы столкнулись при переводе. Укажем пунктирно главные из них. Следуя предшествующим наработкам и развивая их, Фуко часто пользуется понятиями, отсылающими к целому пучку разных и порой гетерогенных областей практики и теории: например, к биологии, экономике, военному делу и т. д. Прежде всего это, конечно, *dispositif* – понятие, давно утвердившееся в русском и других научных языках в таком виде, не требующем «своего» эквивалента, многократно проанализированное, не утратив новизны и внутреннего смыслового напряжения⁷. Но также это и *implantation* – одновременно биологическое вращение, экономическое внедрение, военное закрепление на захваченной территории; слово, которое, ища способа отобразить грани его значения, а также, что немаловажно, игру его активных и пассивных оттенков, мы осмелились передать в основном как «прививка». И *prolifération* – размножение делением, стремительное разрастание, безудержное распространение; в данном случае мы преимущественно делали выбор в пользу «пролиферации». И *investissement* – облечение в буквальном смысле, военное окружение, экономическое вложение (капитала, но не только), психологическое вкладывание ресурсов личности, себя во что-то, а также психоаналитическая нагрузка (с *désinvestissement* как разгрузкой); здесь мы использовали разные варианты в зависимости от контекста. И ряд других. Эти примеры хорошо, как нам кажется, отражают пристрастие Фуко к словам, характеризующим тот или иной способ действия во многих областях, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, как правило – с акцентом на биологическое значение, относящееся к распоряжению жизнью (власть над жизнью и биополитика – одна из важнейших тем «Воли к знанию»). Существенно, что Фуко пользуется ими, всякий раз учитывая весь спектр расходящихся значений и лишь подразумеваемо выделяя какие-то из них, как бы поворачивая слово к читателю той или иной из его сторон. Это стоит иметь в виду при чтении, и специальный характер многих из этих слов в данном случае, не без доли парадокса, сигнализирует не об узости доносимого значения, а, наоборот, о многозначности термина (биологический и не только полиморфизм – еще одна из сквозных нитей мысли Фуко).

Тот же принцип определяет и использование в «Истории сексуальности» и особенно в «Воле к знанию» отнюдь не специального слова «sexe», составляющего в данном случае принципиальную трудность для перевода в силу того, что соответствующие ему в современном русском языке слова «пол» (половая идентичность, совокупность половых признаков и лишь в давно устаревшем смысле – половая жизнь) и «секс» (собственно половая/сексуальная активность) мало пересекаются семантически. Вопреки видимости, отсутствие этой проблемы во французском и других европейских языках не уменьшает трудности прочтения и интерпретации текста: наоборот, объединенные в одной вокабуле значения различителя (идентичности) и сексуальной практики усложняют проведение границы между ними в каждом конкретном случае и требуют при выборе в пользу одного из них учета другого. Такой учет, как нам кажется, предполагается Фуко: он использует слово «sexe», подобно словам, перечисленным выше, как своего рода кристалл, показывающийся разными гранями, тем более что и сексуальность характеризуется им в ее отношении к власти как «рассадник смысла, который нужно снова и снова брать под контроль, нигде не давая ему ускользнуть»⁸. Столкнувшись с этой трудностью и следуя очерченному принципу, мы в настоящем издании сделали выбор в пользу варианта «пол», учитывая, среди прочего, то, что, поворачивая свои понятия-кристаллы разными сторонами, Фуко каждый раз высвечивает – и определенным образом окрашивает, решает – то или иное проблемное поле, причем одно из решений «Воли к знанию» касается как раз проблемы пола, как нельзя острее вставшей в феминистских и не только иссле-

⁷ О понятии диспозитива см., прежде всего: *Фуко М. Воля к истине по ту сторону знания, власти и сексуальности. Указ. соч. С. 367–369* (комментарий С. Табачниковой к ее переводу «Воли к знанию»); *Агамбен Дж. Что такое диспозитив? [2006] / пер. А. Соколовски // Дж. Агамбен. Что современно? Киев: Дух і Літера, 2012. С. 13–44.*

⁸ Наст. изд. С. 133.

дованиях 1970-х годов и далее⁹. В то же время нам показалось слишком рискованным искать для разных случаев употребления слова «sexe» разные русские эквиваленты: это могло бы размыть траекторию мысли Фуко. Таким образом, мы систематически, за редкими – вынужденными, как нам кажется – исключениями, переводим в «Воле к знанию» «sexe» как «пол», но предлагаем читателю всегда в этих случаях иметь в виду и «секс», по крайней мере как излюбленный предмет разговора в современной цивилизации, тоже.

Возможно, этот концептуальный «полиморфизм» мог бы быть воспринят четче, если бы понятия, по крайней мере особо важные, сопровождались пусть не параллельным текстом оригинала, но хотя бы французскими эквивалентами в скобках. Мы не пошли по этому пути и, наоборот, свели подобные пояснения к минимуму. Причина в том, что «Воля к знанию» кажется нам замечательным образцом научного красноречия, рассчитанным на самое непосредственное восприятие: будучи амбициозной исследовательской программой, впоследствии переосмысленной и потому реализованной лишь частично, но очертившей целый ряд проблемных полей, разработка которых еще впереди, эта книга написана как блистательная речь¹⁰, едва ли допускающая перерывы на словарные консультации. Указанный минимум – единственное исключение – мы сделали для слова «assujétissement», используемого здесь в значении «подчинение», но уже говорящего о том «приведении субъекта к субъективности»¹¹, которое станет одной из главных тем последующих томов цикла.

Речь о себе во множественном числе в данном случае – не просто дань риторической традиции. Научным консультантом предлагаемого перевода «Воли к знанию» согласился выступить Виктор Каплун, переводчик «Использования удовольствий», второго тома «Истории сексуальности», и один из ведущих специалистов по творчеству Фуко в России. Некоторые решения, в том числе одно из самых принципиальных – в отношении слова «sexe», – приняты при его участии, благодаря ему перевод был значительно усовершенствован в содержательном плане, и, хотя результат далеко не во всем отвечает его требованиям, переводчик и издательство выражают ему искреннюю признательность. Разумеется, все упущения в итоговом тексте остаются всецело на совести переводчика.

Также мы считаем необходимым отметить, что вышедший в 1996 году перевод «Воли к знанию», выполненный Светланой Табачниковой, ничуть не потерял за прошедшее время своего научного значения, как и подробный комментарий к нему, оказавший, несомненно, большое влияние на рецепцию мысли Фуко в России и очень ценный для нашего собственного читательского и переводческого опыта. Предлагая новый перевод, мы лишь рассчитываем побудить читателя вернуться к поставленным Фуко проблемам, которые, бесспорно, не утратили актуальности, и вступить с автором в диалог.

Алексей Шестаков

⁹ См., прежде всего: *Батлер Д.* Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности [1990] / пер. К. Саркисова. М.: V – A – C Press, 2022. Passim.

¹⁰ С работой над «Волей к знанию» совпал поворот в стиле Фуко, о котором его собеседники в том же последнем интервью «Возвращение морали» говорят так: «Читателей ваших последних книг поражает чистый, четкий и гладкий стиль, весьма отличный от того, к которому мы привыкли» (*Foucault M.* Le retour de la morale. Op. cit. P. 696; цит. по: *Фуко М.* Возвращение морали. Указ. соч. С. 271).

¹¹ Так, ссылаясь, в свою очередь, на Б. В. Дубина, характеризует значение слова «assujétissement» у Фуко А. Г. Погоняйло (см.: *Погоняйло А. Г.* Мишель Фуко. История субъективности. Указ. соч. С. 611).

I. Мы, викторианцы

Долго же нам пришлось терпеть викторианские порядки – мы-де и сегодня не избавились от их бремени. Надменная венценосная ханжа всё еще якобы красуется на гербе нашей сексуальности – сдержанной, безмолвной, лицемерной.

В начале XVII века, говорят, еще царила некоторая откровенность. Действий почти не таили, без особой оглядки произносили слова, вещи называли своими именами, не подыскивая замен; к недозволенному относились с беспечным попустительством. Порог грубости, скабрёзности, неприличия был довольно низким по сравнению с XIX веком. Откровенные жесты, бесстыдные речи, демонстративные вольности, неприкрытые формы, не боящиеся соприкоснуться, дети, вольготно разгуливающие тут же под беззаботный смех взрослых: тела «лезли на глаза».

Но этот ясный день начал-де быстро сменяться сумерками, а вслед за ними настали монотонные ночи викторианской буржуазии. Сексуальность попала под замок. Теперь у нее свое место. Она принадлежит семейной чете, и та полностью подчиняет ее серьезному делу репродуктивной функции. Вокруг полового вопроса устанавливается молчание. Законная супружеская пара, преданная цели деторождения, диктует правило: служит образцом, определяет норму, владеет истиной, хранит за собой право говорить, поддерживая принцип секрета. В социальном пространстве, как и в сердце каждого дома, единственным местом, куда допущена сексуальность, но местом утилитарным и продуктивным, является родительская спальня. Всё прочее должно тушеваться: приличные позы огибают тело, благопристойные слова сглаживают речь. Бездетность, коль скоро она не стесняется попадаться на глаза, считается ненормальной: ее заклеивают, и она заплатит за себя цену санкций.

Всё, что не подчинено деторождению и не преображено им, отныне без крова и вне закона. Как и без права слова. Изгнано, запрещено и принуждено к молчанию. Не просто не существует – не должно существовать, подлежит исключению во всех проявлениях до наималейших, как на деле, так и на словах. Взять хотя бы детей: у них, разумеется, ни пола, ни сексуальности нет – вот почему им их запрещают, не позволяют о них говорить, закрывают глаза и затыкают уши, стоит им хоть как-то их проявить, устанавливают режим полного и непреложного молчания. Такова специфика подавления, отличающая его от запретов, поддерживаемых обычным уголовным законодательством: подавление работает как приговор к исчезновению, но вместе с тем и как веление молчать, как утверждение несуществования и, следовательно, констатация, что в данной области не о чем говорить, нечего видеть и нечего знать. Этой хромающей логике следовало-де лицемерие наших буржуазных обществ. Вынужденное, однако, идти на некоторые уступки. Если всё-таки нужно смириться с существованием нелегитимных сексуальностей, то пусть они отправляются скандалить в другое место – туда, где их можно будет вписать пусть не в производственные цепочки, но хотя бы в цепочки получения прибыли. Такими местами терпимости станут публичный дом и психиатрическая клиника: проститутка, клиент и сутенер, психиатр и его истеричка – эти «другие викторианцы», как сказал бы Стивен Маркус¹², – словно бы хитростью переводят удовольствие, лишенное права слова, в порядок

¹² Стивен Маркус (1928–2018) – американский историк литературы и писатель, автор нескольких книг о литературе, сексуальности и психоанализе. Его известная работа «Другие викторианцы» («Other Victorians», 1966) посвящена британским сексуальным субкультурам конца XIX века и в целом следует «репрессивной гипотезе», критике которой посвящены первые два раздела настоящей книги. Среди прочего Маркус подробно анализирует и вводит в научный оборот анонимные мемуары «Моя тайная жизнь» (около 1885), о которых ниже пишет М. Фуко (см. с. 30 наст. изд.). К заглавию книги Маркуса полемически отсылает название первого раздела «Воли к знанию» – «Nous autres, victoriens», в котором заключена тонкая игра слов: конструкция «nous autres...» означает по-французски «мы, такие-то...», то есть акцентированную идентификацию с той или иной группой, как в выражении «мы, французы...». Слово «другие», у Маркуса противопоставляющее друг другу «иносексуалов»-бунтарей и «истинных» викторианцев, у М. Фуко, наоборот, подчеркивает, что те и другие следовали одной логике,

вещей, которые можно сосчитать; дозволенные там втихомолку слова и жесты обмениваются по высокой цене. Только там неприрученный пол получает право на реальные, но тщательно изолированные от мира формы, на подпольные, имеющие ограниченное хождение и закодированные типы дискурса. Во всех остальных местах современное пуританство установило будто бы свой тройной режим запрещения, несуществования и молчания.

Распрошались ли мы с двумя этими долгими веками, на протяжении которых историю сексуальности предлагается читать прежде всего как хронику растущего подавления? Разве что начали прощаться, говорят нам опять. Возможно, благодаря Фрейдю. Но с какой сдержанностью, с какой медицинской осмотрительностью, с какими научными гарантиями безвредности, со сколькими предосторожностями ради того, чтобы удержать всё, не боясь «беспорядков», в максимально надежном и негласном пространстве между кушеткой и дискурсом: очередной вариант прибыльного перешептывания в кровати. Да и могло ли быть иначе? Нам объясняют, что если подавление действительно было со времен классической эпохи основополагающим типом связи между властью, знанием и сексуальностью, то невозможно избавиться от него, не уплатив значительную цену: для этого потребовалось бы по меньшей мере нарушение законов, снятие запретов, раскрепощение слов, возвращение удовольствия в реальность и полная реорганизация механизмов власти, ведь даже малейший проблеск истины обуславливается политически. Не стоит ожидать подобных результатов ни от простой медицинской практики, ни от теоретического дискурса, пусть и строгого. И вот уже разоблачают конформизм Фрейда, нормализующие функции психоанализа, глубокую робость за безудержными порывами Райха и всевозможные эффекты интеграции, обеспечиваемые «наукой» о поле и лишь слегка двусмысленными практиками сексологии.

Этот дискурс о современном подавлении пола крепко держится. Потому, должно быть, что его легко держать. Защитой ему служит солидное историко-политическое обоснование: датируя начало эпохи подавления XVII веком – после сотен лет, когда можно было дышать полной грудью и выражаться свободно, – ее соотносят с развитием капитализма: подавление-де шло рука об руку с буржуазным строем. Скромная хроника пола и придинок к нему тут же встраивается в церемонную историю способов производства: пустячной ее уже не назовешь. Так вырисовывается объяснительный принцип: если пол так жестко подавляли, то потому, что он несовместим со всеобщим и интенсивным привлечением к труду. Как в эпоху систематической эксплуатации рабочей силы можно было стерпеть, чтобы эта сила растрчивала себя на удовольствия, исключая разве что те, сведенные к минимуму, что требуются для ее собственного воспроизводства? В поле и его эффектах, возможно, не так-то просто разобраться; их подавление, перемещенное в такой контекст, напротив, легко поддается анализу. И борьба за пол – за его свободу, но также за его познание и за право о нем говорить – оказывается вполне законно увязана с честью политической борьбы: пол, и он тоже, служит будущему. Ум, склонный к подозрительности мог бы задаться вопросом, не несут ли на себе все эти предосторожности, ищущие для истории пола столь внушительного покровительства, следов былой стыдливости, словно для того, чтобы этот дискурс получил возможность звучать и быть воспринятым, нужны как минимум эти придающие ему респектабельность связи.

Но, возможно, есть и другая причина, которая делает столь удобным для нас описание отношений пола и власти в терминах подавления: ее можно назвать выгодой говорящего. Если пол подавлен – обречен быть запретным, не существовать, молчать, – то само то, что о нем и о его подавлении заговаривают, выглядит как умышленное нарушение правил. Тот, кто об *этом* говорит, ставит себя в известной степени вне власти, попирает закон, предвосхищает, пусть призрачно, грядущую свободу. Отсюда то воодушевление, с каким сегодня говорят о

направляющей развитие западных обществ по сей день (см. с., 48–49 наст. изд.). – *Здесь и далее астерисками обозначены примечания автора, а жирными точками – переводчика.*

поле и сексе. Первые демографы и психиатры XIX века считали себя обязанными извиниться за то, что они привлекают внимание читателей к столь низкому и ничтожному предмету. Мы же за минувшие десятилетия привыкли говорить о поле и сексе с некоторым вызовом, давая понять, что идем наперекор установленному порядку, подрываем устои, решительно осуждаем настоящее и зываем к будущему, надеясь приблизить его зарю. В дискурсе о притеснении сексуальности легко находят себе место ноты бунта, порыва к обетованной свободе, к грядущей эре нового закона. Вновь пригождаются традиционные функции пророчества. Прекрасное завтра секса не за горами. Признавая реальность подавления, мы исподволь сохраняем возможность связывать друг с другом вещи, которые большинству из нас мешает называть вместе: страх показаться смешным или память о горьких уроках исторического опыта: революцию и счастье; революцию и другое, новое, прекрасное тело; наконец, революцию и удовольствие. Желание одновременно перечить властям, изрекать истину и обещать блаженство; связывать друг с другом просвещение, раскрепощение и умножение телесных радостей; строить дискурс, соединяющий в себе жажду знания, волю к пересмотру закона и зов в чаемый сад наслаждений – вот что, должно быть, укрепляет в нас решимость говорить о поле и сексе в терминах подавления и, возможно, объясняет присвоение товарной стоимости не только тому, что будет об этом подавлении сказано, но даже согласию выслушать тех, кто хочет избавиться от его последствий. В конце концов, мы – единственная цивилизация, где специальные служащие получают жалованье за то, что внимают откровениям всех желающих о своем поле и сексе: у нас есть спрос на уши напрокат, словно эта потребность говорить и расчет на ответный интерес далеко превосходят возможности тех, кто готов слушать.

И всё же более важным, чем эти экономические последствия, кажется мне само существование в нашу эпоху дискурса, в котором пол, изречение истины, пересмотр управляющего миром закона, провозвестие новой зари и обещание блаженства связаны воедино. Именно пол служит сегодня опорой для старинной, такой привычной и такой важной для Запада традиции проповеднического наставления. Великая сексуальная проповедь разнеслась силами искушенных теологов и народных выразителей по нашим обществам за несколько последних десятилетий, бичуя старые порядки, разоблачая лицемерие, отстаивая право на прямой и реальный опыт, вселяя мечту о новом граде. Вспомним францисканцев. И спросим себя, как получилось, что лирический и религиозный пыл, так долго сопровождавший революционный проект, теперь, в западных индустриальных обществах, оказался, по крайней мере в значительной своей части, на службе пола?

Очевидно, идея подавления пола выходит за рамки теории. Утверждениям, будто сексуальность никогда не находилась в таком строгом подчинении, как в эпоху лицемерной буржуазии с ее деловитостью и практицизмом, вторит напор речей, призванных высказать истину пола, изменить его обращение в реальности, ниспровергнуть правящий им закон, преобразить его будущее. Констатация притеснения и форма проповеди отсылают друг к другу и взаимно друг друга усиливают. Предположение, что пол вовсе не подавлен или, вернее, что его отношения с властью не укладываются в понятие подавления, рискует прозвучать бесплодным парадоксом. Выдвинуть его – значит не только оттолкнуть общепринятое представление, но и пойти наперекор всей поддерживающей его экономике с ее дискурсивными «выгодами».

Вот в какой точке я хотел бы разместить ряд исторических исследований, для которых эта книга призвана послужить одновременно введением и своего рода предварительным обзором, указав несколько исторически значимых опорных точек и наметив несколько теоретических проблем. В общем и целом нужно будет рассмотреть случай общества, которое вот уже более века рьяно изобличает себя в лицемерии, безудержно разглагольствует о своем собственном безмолвии, в подробностях каталогизирует всё, о чем умалчивает, клеймит вершимую им самим власть, клянется избавиться себя от законов, что обеспечивали его функционирование. Наряду с самими этими дискурсами мне кажется необходимым изучить направляющую

их волю и стратегический замысел, которому они следуют. Мой вопрос будет не в том, почему мы подвержены подавлению, а в том, почему мы говорим, что подвержены подавлению, с такой страстью, с такой яростью к ближайшему прошлому, к настоящему и к себе самим. Что за извилистый путь, что за спираль заставляет нас утверждать, что пол подлежит отрицанию, демонстрировать, что мы прячем его, говорить, что мы о нем молчим, – причем подбирая для него самые недвусмысленные выражения, стремясь представить его в самой неприкрытой реальности, во всей очевидности выявить позитивность его власти и его эффектов? Разумеется, нужно разобраться, почему на протяжении столь долгого времени были сопряжены друг с другом пол и грех, – а прежде понять, как возникло это сопряжение, воздержавшись от слишком общих и поспешных заявлений, будто пол был «осужден», – но нужно разобраться и почему сегодня мы до такой степени виним себя за то, что объявили его грехом когда-то. Какие пути привели нас к «виновности» перед нашим полом? К положению цивилизации, столь озадачивающей признаниями себе в том, что она так долго «грешила» против пола, да и по сей день «грешит» против него властными злоупотреблениями? Как произошел этот сдвиг, что, стремясь избавить нас от бремени греховной природы пола, возложил на наши плечи огромную историческую вину, как раз в том и состоящую, что мы придумали эту греховную природу, уверовали в нее и извлекли из этой веры катастрофические выводы?

Мне возражат: если столькие люди сегодня уверены в том, что пол подвергался подавлению, то потому, что это подавление исторически очевидно. Если о нем говорят так много и так давно, то потому, что оно имеет глубокие корни и прочные основания, обступает пол так плотно, что освободиться от него невозможно простым разоблачением – потребуется долгий труд, иначе и быть не может. Тем более долгий, должно быть, оттого, что власти, особенно власти, подобной той, что действует в нашем обществе, свойственно быть репрессивной и с особым усердием подавлять бесполезный расход энергии, накал удовольствий и неправильное поведение в разных формах. А значит, стоит ожидать, что усилия по освобождению от этой репрессивной власти будут приносить плоды медленно; решение говорить о поле свободно и принимать его реальность без шор настолько расходится с магистральным направлением тысячелетней на сегодняшний день истории и к тому же настолько враждебно внутренним механизмам власти, что ему придется долго буксовать, прежде чем оно добьется успеха.

Но, по-моему, в отношении этой, как я бы ее назвал, «репрессивной гипотезы» есть три серьезных сомнения. Первое сомнение. Так ли уж исторически очевидно подавление пола? Действительно ли то, что кажется лежащим на поверхности и, как следствие, позволяет выдвинуть исходное предположение, является усилением, а то и установлением в XVII веке режима противодействия половой активности? Вопрос сугубо исторический. Второе сомнение. Действительно ли механика власти, в частности та, что действует в обществе, подобном нашему, имеет по существу репрессивный характер? Действительно ли запрет, цензура, отрицание являются общими формами действия власти – возможно, в любом обществе и, скорее всего, в нашем? Вопрос историко-теоретический. И третье сомнение. Действительно ли критический дискурс, целящий в подавление, выступает наперекор и стремится преградить путь механизму власти, который до того работал без помех, или он сам является частью исторической конфигурации, в которую входит и то, что он разоблачает (вероятно, искажая его черты) под видом «подавления»? Есть ли вообще какой-то исторический разрыв между эпохой подавления и критическим анализом подавления? Вопрос историко-политический. Приводя эти сомнения, я не хочу просто выдвинуть три контргипотезы, диаметрально противоположные исходным. Я не хочу сказать, что сексуальность вовсе не подавлялась в капиталистических и буржуазных обществах, а, наоборот, пользовалась режимом постоянной свободы. Я не хочу сказать, что власть в обществах, подобных нашим, скорее терпима, чем репрессивна, и критика подавления, сколько бы ни придавала она себе черты разрыва, является частью процесса, начавшегося задолго до нее, так что, в зависимости от нашего прочтения этого процесса, она предстает либо

очередным звеном цепи смягчения запретов, либо очередной, более изощренной или более скрытной, формой самой власти.

Сомнения, высказанные мной в адрес репрессивной гипотезы, призваны не столько показать, что она ошибочна, сколько переместить ее в общую экономию дискурсов о поле в обществах модерна начиная с XVII века. Почему говорили о сексуальности? Что о ней говорили? Какие эффекты власти вызывало то, что о ней говорили? Как были связаны эти дискурсы, эти эффекты власти – и удовольствия, в которые вкладывались те и другие? Какое знание формировалось в итоге? Короче говоря, моей целью будет описать в его функционировании и в его побудительных мотивах режим власти-знания-удовольствия, служащий в нашем обществе опорой для дискурса о человеческой сексуальности. Поэтому важнее всего (по крайней мере, на первом этапе) будет не столько выяснить, «да» или «нет» говорят полу, запреты или разрешения формулируют в его адрес, утверждают его важность или отрицают его эффекты, наказывают или нет за употребление обозначающих его слов, сколько принять во внимание сам факт, что о нем говорят, тех, кто о нем говорит, места, где или откуда, с каких точек зрения, о нем говорят, институты, побуждающие о нем говорить, собирающие и распространяющие то, что о нем говорят, то есть общий «дискурсивный факт» пола, его «перевод в дискурс». И поэтому же важно будет выяснить, в каких формах, по каким каналам, через какие дискурсы власть, проскальзывая по ним, доходит до мельчайших и самых индивидуальных вариантов поведения, какие пути позволяют ей достичь редких или едва различимых форм желания, как она проникает в повседневные удовольствия, чтобы поставить их под контроль, и как во всех этих случаях она использует эффекты отказа, блокировки, обесценивания, но и побуждения, усиления – короче говоря, «полиморфные техники власти». И наконец, важно будет не установить, что именно – истину пола или, наоборот, ложь, призванную ее скрыть, – формулируют эти дискурсивные производства и эффекты власти, а выявить «волю к знанию», служащую одновременно их опорой и орудием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.